

Я потеряю и Асю Львовну
Вместе с ее нравочениями,
Песнопениями.

Всех потеряю,
А обрету черные рясы монахов,
Сотканые из страстных страхов.
Я нищему отдам последнюю рубаху.

Будут новые лица,
И отец Иоанн Крестьянкин будет креститься
И меня причащать
Опять и опять.

Его острые зрачки
Глядят из черепа строго.
Он верит в Бога,
Не то, что я — растение-недотрога.

В Печорах я буду плутать по окрестностям,
Схожу на кладбище,
На железнодорожную станцию и в лес,
Где горизонт как женщина раскинулся окрест.

Я полюбил Печоры давно,
Когда был молодым.
Я буду любить его, когда стану седым.
Над ним солнце касается церкви лучом золотым.
Но в Печорах я всегда почему-то один.

Буду вспоминать там Деву,
Ее ножки,
Ее ножи под сорочкой.
Буду вспоминать Деву-точку.

Апрель 4-е, 1985

ТУТ И ТАМ (HIER UND DORT)

Фестиваль русскоязычной и немецкоязычной поэзии
Германия — Россия

Поэтический фестиваль под этим названием проводился в декабре 1989 г. в Германии и в мае 1991 г. в России. Участниками фестиваля с немецкой стороны были: Саша Андерсон, Хартмут Гееркен, Ансельм Глюк, Фелике Филипп Ингольд, Томас Клинг, Берт Папенфус-Горек, Бодо Хелль; с русской стороны: Всеволод Некрасов, Дмитрий Пригов, Лев Рубинштейн, Игорь Холин, Елена Шварц, на чтениях в Ленинграде выступали также Виктор Кривулин, Александр Миронов и Сергей Стратановский.

Инициаторами и организаторами фестиваля стали: Немецкий культурный центр им. Гете, отделение славистики университета Бохума, журнал «Шрайбхефт» — главный редактор Норберт Вер, культурное агентство «РевьерА» — директор Йорг Цивек, Всероссийская библиотека иностранной литературы им. Рудомино и Ассоциация «Новая литература». Следует особенно подчеркнуть энтузиазм и энергию славистов из Бохума Сабины Хэнсен и Георга Витте, чьими усилиями оказались решены многие непростые проблемы проведения обоих туров «Тут и там».

Однако не менее трудным оказалась подготовка переводов текстов некоторых немецких участников фестиваля (стихи же русских поэтов уже были опубликованы, как в «ВНЛ», так и в других изданиях). Помимо обычных трудностей поэтического перевода, нужно также учитывать своеобразную языковую укорененность немецких поэтов — словотворчество, аллюзии, реминисценции, почти неперебиваемая ироническая игра слов — все это трудно поддается конвертированию в другой язык.

При всем мастерстве переводчиков и их вдумчивом вслушивании в «чужое» слово переводной авангард подчас производит впечатление неловкого чертежа, плохо подготовленного подстрочника, сквозь который не просвечивает поэзия. Однако перед нами переводы самых известных современных немецкоязычных поэтов, продолжающих традиции «венской группы», школы австрийских поэтов Эрнста Яндля и Фридрихи Майрекер. Вглядимся, вчитаемся в образ «чужой поэтической речи».

Нашу публикацию мы предваряем текстом Сабины Хэнсен и Георга Витте, раскрывающим идею двух состоявшихся поэтических встреч.

С.Хэнсен — Г.Витте

ТУТ И ТАМ (HIER UND DORT)

«Тут и там» — такой девиз мы выбрали для состоявшейся в декабре 1989 года в музее Фолькванг города Эссен встречи поэтов, пишущих на русском и немецком языках. В этом девизе, как бы невзначай и словно нечто само собой разумеющееся, объединены почти обыденной интонацией союза «и» две топографические координаты, изначально обозначающие пространственную удаленность и даже противоположность. Так во время IV Эссенского литературного фестиваля немецкая публика впервые получила общее представление о современной экспериментальной и нео-авангардистской русской поэзии. Из Москвы и Ленинграда были приглашены авторы, вышедшие из того круга художников и литераторов, которые с 60-х годов создали свою собственную художественную среду.

Девиз «Тут и там» может быть понят и как программа, замысел встречи поэтов: при первом приближении к чужой культуре, с одной стороны не смотреть на чужое, как на совсем чуждое, экзотическое (то есть разглядывать иную бытность авторов, словно в поэтическом зоопарке), а с другой стороны — не стремиться сразу сгладить все различия, не желая видеть иное. Наш подход — видеть сходное в несходном и несходное в сходном, в своем чужое и в чужом свое — направлен против механизмов шивелировки и погони за экзотикой, которые обнаруживаются в современных культурных тенденциях.

В Москве и Ленинграде «Тут и там» получит продолжение уже в обратной перспективе, впервые немецкая экспериментальная поэзия наших дней оказывается пересаженной на русскую почву. Русская публика, в свою очередь получит возможность познакомиться с поэтической традицией, которая восходит к конкретной поэзии 50-60-х годов, а сегодня продолжается как нео-авангардное направление поэзии.

Современная немецкоязычная поэзия, как и современная русская поэзия не стремится более, как это было в период классического авангарда, к чистым «формам», «элементам» языка. Множество цитируемых и унаследованных традиций приобретают относительный характер, самые разнообразные и порой противоречивые источники сливаются вместе.

Границы национальных культур становятся проницаемыми, и даже чужие художественные и литературные тенденции могут восприниматься как свои собственные.

Томас КЛИНГ

Родился в 1957, живет в Кельне. Стремится возродить традицию лирической выразительности: непосредственность впечатлений, близость к разговорной, порой вульгарной речи. Подхватив традиции авангарда, он перешел от сдержанной графики авангардной классики к яркой живописи слова.*

Второе петербургское вещание

когтят хотяще, закогтят когтяще, хо
тением когтей. а нам расшифровать хотеть
прибора острие, аэрофлотский войс
рекордер; вишен косточки, черне
ющие текстозерна: ПУШКИН РУХНУЛ И
СНОВА ЖИВЕТ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ когтение когтей,
а императорская-академия-ис-куств
(назад прокрутим) реконструирует
последние минуты (пленку-время), под-
слушала последний сердца удар, и «правда? это
русская рулетка?», так и дураку понятно, осс-
собенно когда притом сервис супрематистский
обвальню бацнул, ну зд-

охнуть можно,

текстокортеж из черных лимузинов перекк
рывает кадр, россия напоказ, музейная подсветка:
дерьмовый выводок (туристов) просочился в похабней-
ший мадам-тюссо спецхран, а там сырокопченый экс
понат в гробу хрустальном вместо крали, как
изрек пиит: Там свет *еще* горит. и хвв-
ватит.

когтят паррапая. когтящее железо. городов ночных
сачком прошаривая чад, на резкость наведем, отельный
бар, до дыр проблеванная по-(с)фински («и непременно
доллары купюрой мелкой»), на что бы это, между-
народный разговор, тебе там слышно
меня, «тут шлюхи люкс, но все при деле, ухх
будет баня». в московском кабаке, в подвале у так-

* Эта и остальные биографические справки предоставлены немецкими организаторами фестиваля.

снегов как раз сейчас афгана ветераны рас
квашивают морду рубинштейну леве, попер мудака
не в тот кабак. такие вот дела. набор конструкторский
пророры в кадре, проходят стросем новобранцы МУЗЕЙ ПАРО-
ДОВ СССР:

переведем дыхание, в тени бурята
тунгус приветствует эвенка оттенком тени, ды-
шащая сквозь стекло витрины тяжесть змеешкожи,
прошитой красно-буро швами плюс 32 кило
железных амулетов, как будто невский вносят на спине
проспект, поверить ли зрачкам? маячит справа
печто! пятно какое-то качается на невском, громо-
здко-черно-желтое. подходишь ближе, кажет остро
(коготьяне кромсая) остряя когтей,
раз-(на)рывающийся с треском воздух,
сиамски-двухголовый, что за
жуткий тотем у входа прямо в метро-
политен: царрапающе черно-желтый
царский стяг.

Перевела Ольга Денисова

Хартмут ГЕЕРКЕН

*Родился в 1939 году, двадцать лет жил за пределами Германии
(Турция, Египет, Афганистан, Греция), живет сейчас в Херршихе
(юг Германии). Поэт, джазовый музыкант, актер,
путешественник, биолог и литературовед. Его произведения
своеобразная литература эксцесса, это почти физическое
ощущение слова и передача словесными средствами телесных
ощущений. Его творчество представляет собой своеобразную
«поэтическую антропологию»*

Муха ли Мор?

Метки и заметки о шаманизме в Сибири и Андексе*
(фрагмент)

в своем убежище в глубине священной горы сидит тот чья седая борода
уже проросла сквозь егод нет это старое начало не годится сейчас когда
все так и светится от радиации когда миф о науке обернулся демоном

* Андекс - поселок в Верхней Баварии, место паломничества со Средних веков

вокруг которого танцуют опасные придурки когда политика стала
полем деятельности тяжелейших преступников сейчас нам пужны
шаманы которые не сидят а танцуют каждый сам себе пилот КУЧОГ
АБЕРНОТ странствовал насколько он может припомнить в окрестнос-
ях Киева как вдруг словно невидимые руки остановили нет отбросили
его назад такого с ним еще ни разу не было и в том положении как
присел на корточки так его и пощело чувство было такое что это
девитация но для этого было рановато и по мере того как изумление
охватывало его он обнаружил что сидит в глубине священной горы
андекса и хотя его убежище было на глубине десяти метров совершенно
недосягаемое для вещей и людей он слышал снаружи беспрестанный
шум мощного прибоя который вопреки всем данным географии нака-
пывался на гору если запить его холодной водой то действие его
усиливается вот и КУЧОГ АБЕРНОТ прикончил в это время солнце и
установил царство черной ночи что угнетало его бедное сердце в эту
окутанную туманом мертвую тишину пытался он скрыться нежное
рукопожатие или порывистый братский поцелуй ах друзья написал он
однажды в своем всегда светлом трезвом убежище какой уголок земли
мог бы накрыть меня чтобы я плакал там окутанный ночью на полу
убежища КУЧОГ АБЕРНОТА лежали всяческие бумаги бумагу он не
выбрасывал особенно сейчас когда каждый листок и клочок стали
редкостью это были страницы газет разорванных так что оставалась
только половина столбца это были вырванные из книг страницы это
были рекламные листовки со списками товаров которых давно уже нет
в продаже сиг рубец мед письма тоже валялись в них были засохшие
цветы симпатичная карикатура высмеивала онанизм словно сомнамбу-
ла КУЧОГ АБЕРНОТ нагнулся за пожелтевшей ксерокопией анахро-
низм не имеющий себе равных он начал громко читать что шаманы их
племен использовали мухомор ачестве наркотического сре щих в
сибири финно-угорского происхож зволяет также предполагать бьят-
ных пространств съедали мор на следующий день ссказывали кит
которого стоянии донести до моря бог вахийнини духи вапак димые
злы инии плкюнул на землю сло белое растение льшой ворон которых
зляли с собой духи вап чем больше он молился тем боль навсегда на
кмлте вой народ блительно следить за духам мухомор который вахий-
линни ксерокс отпечатал только часть текста КУЧОГ АБЕРНОТ не стал
стасть листок на место а просто разжал руку и он выпорхнул назад на
лод

Саша АНДЕРСОН

Родился в 1953 году в Ваймаре (бывш. ГДР), живет в Берлине. В течение ряда лет был неформальным лидером группы писателей и художников нон-конформистов в Восточном Берлине. Его тексты — это знамение эпохи, ремарки к положению (прежде разделенной) немецкой нации. «Характеристика этой сорокалетней эпохи, пишет поэт, — будет ассоциироваться со словами сумасшествия». Если когда-нибудь откроют архив этого времени, то при попытке объяснить основные понятия исследователь натолкнется на проблему фашизма как его основание. Хотя это время и характеризуется как положительное, но с вынужденной оглядкой на то, что ему предшествовало. Это-то и есть точка, на которой сосредоточено мое творчество»

THEN, WINDOW, LET DAY IN? AND LET LIFE OUT

был бы я ты, я бы не ждал меня,
так как, тот, кто к тебе придет, не я.
ты имешь свои представления о жизни
как я бросил свои

из открытого окна между нами.
почему я не мог остаться тем, каков я есть,
ты такой была, до нашей встречи,
если бы мы только остались лежать рядом

как города, которые пашут землю между ними,
чтобы жить, и оживлять, чтобы жрать,
и обжираться до гола, чтоб выжить, и говорить
о мостах и так далее и маршировать

в конце концов, само собой
их дети растущий архив их шагов

Перевела Катя Лебедева

Бодо ХЕЛЛЬ

Родился в 1943 году в Зальцбурге, живет в Вене и горном селении в земле Штайермарк. Учился музыке и изобразительному искусству, изучал философию в Венском университете. Пишет прозу, пьесы, акустические композиции для радио, экспериментирует в области фотографии, кино, музыки, работает настухом на альпийских лугах. Автор книг, фильмов и композиций, в которых фотографии сочетаются с текстами. Публикуемый текст взят из книги WIE GENTS («Как дела»), Грац 1989.

ты подумай, спасибо, потом все кончилось, но только для того, чтобы начинаться снова и снова, индивидуальная консультация/уход за бородой, пользуйтесь соответствующими выражениями, чтобы называть вещи своими именами, сердце — орган авторитарный, почему ты спрашиваешь, потому что хочу знать, каждое слово — западня. человеческий голос первоначально служит лишь для дикого крика-песнопения, которое затягивается даже голода, SANTATA — психологически обоснованная басовая партия, семь раз отбери, один раз открой, по одежке протягивай ножки, неплохое место для житья, вечернее солнце, этот милый лжец, снова рисует на небе картинку блаженной жизни, бог нас не оставит, ты еще узнаешь, кто я такой, когда помотришь через микроскоп, или я неверно выразился, или меня неверно поняли, как будет, так будет, что будет основой нашего духовного существования завтра. терпение, еще минутку, момент, еще чуть-чуть, стремительное распространение техники, вяз гибнет (водоросль заменяет волю) гибнущая природа взывает о помощи, да ведь и музыка принадлежит к числу наркотических средств, подобно табаку, опьяняющим напиткам, поразмыслим и нарушим привычки, именно мечт, хорошая рама усиливает мир пришел в движение и чительной ломки, конца ко-ний уют наперекосьяк, цели поднимаются все выше и выше, в то время как число законченных дел катится вниз, никогда у нас не было столько проблем от желания избавиться от проблем, 17 миллионов пылинок вдыхает каждый за один вдох, кожа тоже испытывает серьезные нагрузки. если надо ограничи-

вать себя, то нечего выходить из дома, исчезните сегодня, человек — центр любого пространства, надо снова включить сеть внимания, если вы еще не ложитесь — тогда приятных развлечений, если вам пора спать тогда спокойной ночи, достоинств так много, что они просто не поддаются описанию, потребность примитивного человека во сне очень сильна и не поддается контролю, лишь цивилизованный человек становится хозяином своего ради работы или развлечения сколько все это может проматери природы, правда знает, что такое сон, без ком случае резервы мозга вы полюбите страх, то это станет ночью нашей жизни, вы не знаете китайской грамоты, но она знает вас. смутные образы и фразовые структуры, известные мне как нормальное состояние моей духовной жизни, что это: вязкий поток конспектов воспоминаний, дополнений к впечатлениям, незавершенных тенденций (симуляция идей). лечение тоскливых ран личности (на которой я сижу), у меня нет слез, лишь в личных бумагах можно найти, и тоже редко, такую безусловную откровенность, главное то, что написано/ главное то, что сказано, когда тело само становится источником излучения, где бы я ни был, эта мысль преследует меня. внешний мир: необъятное царство аналогии и рассечения, посмотреть, что там, даже самые яркие находки лишь питаны, вот как надо относиться к вещам: не эстетически, а скорее экзистенциально, я говорю это без притворства и без напыщенности, сумасшедший я только в своих ролях, уже только от того, что желания, планы и проблемы записывают, их формулировка становится более четкой, я живу исключительно только для самообороны, отчасти это от скрытности отчасти от наивности, отчасти от непонимания ситуации, постоянно поправляя самого себя, не процессуальные изделия с распеялся мне в лицо, имисказал, бедняга. кто-то за справочная Вены: не класисоединение пронеслоидит змногидел, что же мне делать, не удовлетворяясь чистой водой, человек всегда и везде создавал искусственные тониизирующие и опьяняющие напитки, благодаря которым возникало чувство собственного превосходства и можно было заглушить неотвязную мысль: Я — единичное явление. (см. отчет, страница 17), проблема все-таки остается, воспом-

го сна и может ограничить чений, спрашивается, должаться, я любимое дитя ука до сих пор точно не названия и даты, во все должны быть велики, если

говори — открывай себя, временными чертами. он татор жизни, и ничего не говорил и стало светло те трубку, ждите ответа томатически, у меня так

злитесь передышкой, чтобы восстановить резервы, кто говорит рационализация, должен сказать и полиция, препятствующие данности, склад советов. если бы человеку было разрешено, обладать только одним-единственным автомобилем, и если бы эта машина должна была быть по-настоящему универсальной, просторной, комфортабельной, мощной, повышенной проходимости, то выбор очень рано остановился бы на одной-единственной палка в руках человека явния укола, удара или метаслучае из нее развилось копудара она стала дубинкой, а вратились в бумеранг, из разные виды дальнобойного оружия, деятельность представляет собой следствие отчаянных поступков, по результатам опроса социологического института в Линце, каждый второй австриец встречает новый год голный надежд, будь тверд в молитве, тогда зло отступит от тебя, таблички с проклятиями/средство наслать порчу на недруга. там где кончается этот мир. деньги в примитивных обществах могут все: за деньги можно получить жену и семью, деньгами откупиться за преступление, за деньги покупают мир и улаживают спор, произвольно готовый к злобе, проникнутый жалостью по отношению к себе и властный по отношению к другим, кто у кого ее отнимает: так стоит проблема энергии, главное не сдаваться. любовь это одновременно гимн экзистенциальной самоотверженности субъекта и его нарцисстическим потешениям, скажи мне твой код и я скажу, кто тебе подходит, он мягкий принц, а не жестокий правитель, я вышла замуж за своего отца, продовольственная проблема, половая жизнь, обеспечение прожиточного минимума, одежда и жилье изначально не были делом личным, а коллективным в различных социальных формах, жалобная работа/ аварийный хлеб. неверный, но не вероломный, к каждому духу можно найти подход, как пользоваться зубочисткой — лучше вообще не пользоваться, смелее, все равно что делать, неправда, дети — они без тормозов, изначально это верно, но воспринимается как ошибка, я смотрю на моих родителей и вижу самого себя, налей покрепче, чтобы быть бодрым весь день, подумай об этом, спасибо

Перевел Сергей Ромашко

Берт ПАПЕНФУС-ГОРЭК

Родился в 1956 году в Штавенхагене (бывш. ГДР), живет в Берлине. Его поэзия не считается ни с какими правилами грамматики, если того требует художественная задача, он играет словами и фразами, создает необычные сочетания и смысловые фигуры

обдурачивание всей европы

под бременем кучи детей
 махинаций и подстрекательства
 сексуальности в руках специалистов
 важничающих суперструктур
 слишком достаточно висячих плеч
 маленьких воров соков тела
 мертвольда, мертвомужчинакнопки
 & одного так далее, которое колесует

но с помощью наших друзей
 приманочные средства, самая ловящаяся живая приманка
 самое мерцающее вздрагивание, которое распускается
 мы заслуживаем должное нам сверх меры
 самопочитаемого самоубиваемого
 снега, трепета ужаса
 всех ударов, которые мы можем получить
 & последнего, что остается нам

нам же должно уасться
 ядерному горячему, пеклу приплоду
 цветущей войне, огню крови
 тупым структурам полной забавой
 гарантировать кончину
 которая грозит каждому кровельщику
 заварить покой, который срубает
 & придумывать разумный смысл

с полной в полную

Перевела Катя Лебедева

Ансельм ГЛЮК

Родился в 1950 году, живет в Вене. Художник и писатель, Глюк собирает материал для своих произведений в одном из небогатых районов Вены. Он работает методом коллажа: в его текстах объединяются отрывки из повседневных разговоров, газет и книг. Искусно расположенные, эти отрывки создают совершенно неожиданное впечатление.

В сияющее утро вполз серый день который при свете молний выдохся
 в ночь которая сзади уже снова распахивалась навстречу восходу солнца

ночедень

с ума можно было сойти

вот в поле зрения появляется реальность в которой используешь свое
 тело (все время в самом что ни есть настоящем) как мускул

(чтоб поесть и еще деньги остались)

и свет над чашей вырастил из красок тела а земля вокруг была покрыта
 холмами и лесами а местность словно фигура с разными лицами
 противилась пришельцам. множество зверей водилось в окрестностях.
 кое-кому пришлось расстаться с жизнью

и ужас охватил тело когда оно вошло в мир а тут еще и складки на животе
 а на загривке волосы стояли дыбом. и вот это исключение из животного
 мира ощупывало взглядом долину. оно искало пристанище. благодаря
 невероятному умению приспособливаться к гибкости языка оно прово-
 дило одну встречу за другой. тающий авторитет порождал безобидные
 фокусы

ганс и герти очнулись в одном и том же городе. ганс звонит по телефону.
 ганс приходит с цветами и произносит первые слова в предвкушении
 прекрасной беседы. когда пришла пора расставаться тут и познакоми-
 лись. за удачным началом следует продолжение. взаимопонимание
 продолжается. все им друг в друге нравится. уже то, что они вместе,
 создает хорошее настроение

вскоре вожди решили показать мощь своих кулаков в деле. отдаваемые на лету приказы определяли направление ударов. оставленные в покое горели раны. как раз во-время взгляд забегал по сторонам. он проверял испытываемое отвращение

а листья гнали парк под моими ногами навстречу закату и стояла середина октября и я следил за ней и моя склопенная голова втягивала воздух а за городом течение времени еще сохранило граву и деревья и мой взор касался света и было так словно он видит желания без конца потому что каждое событие запечатлевает каждое мгновение и потому что волнение действует внимательно и потому что отлитое в представление оно застывает вокруг центра

а внешность настойчива
и готовит взгляду ласкающий простор

и в опускающихся сумерках я смог различить выражение лица и с любопытством смотрел на мир а день прошел и вся природа была занята пропитанием человеческой природы и ее изменением а мой облик начал сообщение. я схватил его. у звука было отверстие наподобие рта

Литература и эмиграция. Беседа с З.Зинником

Зиновий Зинник, писатель «третьей волны» эмиграции, уже публиковался в 5 номере «Вестника новой литературы». Во время его последнего пребывания в Петербурге была записана беседа, выдержки из которой мы и предлагаем нашим читателям.

«ВНЛ». Г-н Зинник, уехав из России 17 лет назад, в тридцатилетнем возрасте, Вы написали и опубликовали 6 романов, среди них самый знаменитый — «Руссофобка и фунгофил». Ваши романы переведены на большинство европейских языков, Вы сотрудничаете с Би-би-си как критик и рецензент, а также с различными британскими периодическими изданиями, в частности — с «Таймс литэрэчэ сапплимент». Складывается ощущение, что Вы один из самых преуспевающих и благополучных писателей-эмигрантов на Западе?

З.З. Вопрос успешности — это не тот критерий. Успешный писатель — тот, который пишет бестселлеры, я пока бестселлера не написал. Автор моего порядка, то есть переводной автор — это вообще не человек в каком-то смысле. Это человек второго сорта в смысле успеха. И тот факт, что меня переводили, конечно, важен: очень сложно пробить первую книгу, и вторую книгу, и третью книгу, и вообще завоевать хоть какую-то репутацию. Но с другой стороны, эта репутация всегда очень хосбая, — это известность, прежде всего, среди славистов, среди узкого круга читателей, которые любят зарубежную литературу. Англо-саксонская литература, вообще говоря, самодостаточна. Англичане очень мало переводят. (Только последние десять лет дорогу пробила не русская литература, как отсюда кажется, а латиноамериканская; и, начав переводить латино-американскую литературу, кое-какие издательства следили большие деньги и подумали, что этим можно заниматься, раз люди начали читать переводную литературу.

С русской литературой это не получилось, потому что все издательства надеялись повторить успех Солженицына, и это, отчасти, сгубило очень много авторов. Издатели все время искали второго Солженицына, то есть, отказывались от литературы, которая не является или типично «советской», то есть интересной с этнической точки зрения западной публике, или же не является литературой диссидентской, то есть литературой успеха порядка Солженицына).

А поскольку я не принадлежу ни той, ни другой, то, конечно, удивительно, что меня вообще стали печатать. Но, с другой стороны, я